

тают, как весенний снег, ибо океан безверия захлестывает ныне уже самые толщи народные, а не только верхушки философствующих бездельников и такое положение продолжается вот уже не первый десяток лет. А это означает, что на смену верующим поколениям идут уже новые поколения неверующих, и пройдут еще 10-20 лет и людей исповедующих христианство, как религию, останется жалкая горсточка, какихнибудь 0,5% всего человечества!

Вот в чем трагическая иллюзия величия христианского мира! Между тем мы продолжаем твердить о христианстве, как религии мировой... Но не будем спорить об имени. Пусть этот высыхающий океан человеческих душ по-прежнему именуется христианством, хотя бы по праву происхождения. Пусть утешаются те защитники христианства, которые ограждают чистоту и достоинство христианства от греха и недостойности христиан. В нашу задачу не входит ни суд, ни осуждение христиан за их кощунственное злоупотребление высоким Христовым званием. В нашу задачу входит лишь суждение о христианстве, каким оно есть. А христианство рассматриваемое так, как оно есть, представляет собою сумеречную картину великого кризиса, в известном смысле кризиса смертельного, означающего, что мир должен или подняться к неким новым высшим формам религии, или духовно разложиться и погибнуть.

М. Артемьев.

В поисках нового мирозерцания

Вся наша эпоха проходит под знаком утверждения Свободы. И если теперь встает культурно-историческая проблема о новых высших путях человеческого развития, то уже поэтому отправной точкой такого развития должна быть переоценка этой верховной ценности и ее новое обоснование.

Несмотря на всю скомпрометированность идеи свободы, — хотя с другой стороны, надо сказать, что в наше время нет не

скомпрометированных слов, нет не скомпрометированных идей, ценностей и идеалов, — необходимо, тем не менее, признать, что понятие это есть аристократическое понятие в духовно творческом, качественном смысле слова. Им, как высшим своим достоянием, выделен человек, ему в качестве противопоставления соотносительна унижительная, презренная категория рабства. И если теперь из уст Муссолини мы могли услышать это крылатое слово, что мир устал от свободы, то в известном смысле это верно, ибо быть свободным действительно тяжело, рабом быть куда легче и проще. Надо достигнуть известного духовного уровня развития, чтобы ощутить реальность этой величайшей ценности человеческого бытия, чтобы хотя осознать наличие здесь некоей особой высшей проблемы человеческого существования. Но не только актуальность и живость ощущения этой ценности зависит от духовного уровня, на котором стоит человек, народ, или эпоха, больше того, объем, характер и содержание ее понятия также зависят от культурно - исторической среды, в которой проблема практически ставится. Поэтому наша критическая переходная катастрофическая эпоха, знаменующая завершение одного культурно - исторического мира и зарождение нового, требует постановки заново и этой проблемы свободы, поэтому вместе с остальными формами существования и она также со стороны своего исторического выражения переживает теперь величайший кризис. В этих условиях естественны искания новых высших форм ее, и попытки дать себе отчет в чем же заключается ее подлинное положительное существо и ценность? — В чем же состоит само существо свободы?

Я лишен здесь возможности дать соответственные вводные и предварительные разъяснения и поэтому формулирую сразу же определение этого понятия. Если Гегель в свете своего последовательного панрационалистического мировоззрения должен был утверждать, что свобода есть осознанная необходимость, то я, особым образом расширяя это определение, сказал бы, что свобода есть подчиненная необходимость, ибо необходимость может быть осознанной, но не быть подчиненной. Врач может осознать необходимость смерти организма и быть не в состоянии предотвратить ее. Но свобода, как под-

чиненная необходимость, как закономерность из механической превращенная в целесообразную и следовательно, служебную, может быть рассматриваема в специальном смысле, как **могущество**. Свобода, как могущество и есть возможность второго ближайшего и более актуального определения этого понятия. Быть свободным — **значит мочь**. Поэтому, если свобода односущностна с могуществом, то рабство односущностно с немочью. Свободны те что могут, немощные — рабы. Мировое развитие, как творческое претворение закономерности мертвой, механической, господствующей над человеком в закономерность живую, целесообразную, подчиненную человеку, как победа, как торжество над необходимостью и есть мировое раскрепощение, а вместе — накопление могущества человека. И поскольку формами такой механической необходимости является пространственно-временной порядок, постольку это осуществление в мировом развитии преодоления необходимости есть преодоление пространства и времени, есть организация Природы и Истории и в ней осуществляющееся Освобождение. Конечно, само по себе могущество не может человечеству дать нравственного удовлетворения. Для этого нужна еще цель. Отсутствие именно такой цели звучит в ответных словах Люцифера: — вы счастливы? — Нет, мы могучи; — вы счастливы? — нет. Таков же символический смысл Ставрогинского могущества у Достоевского. Но вопрос о цели, это уже особый вопрос. Тем более, что и свобода не есть цель сама в себе, а лишь условие, целеполагаемый порядок. Таким образом, понятие свободы, могущества и подчиненной необходимости суть друг друга замещающие понятия. К ним, в качестве замещающего, можно прибавить еще одно понятие. Подчинение необходимости, претворение механической порабощающей закономерности в закономерность целесообразную, освобождающую есть ничто иное, как организация этой закономерности, как творчество. Отсюда можно сказать, что свобода есть **организованная закономерность**. Тем самым, организация мира не исключает свободу, а осуществляет; не подавляет, а творит ее. Хаос рушит свободу. — Это элементарно. Право потому начало свободы, что оно начало организации. Мате-

риальная культура, машина потому освобождает, что она есть победа над необходимостью природы, организация ее.

Намеченное понятие свободы не исключает, а вмещает другие представления о ней. Можно установить вообще три типичных понятия свободы: христианская (христиански - буддийская) свобода, свобода отрешенности; формальная свобода — свобода выбора, и эта третья — свобода могущества, свобода организованной, побежденной необходимости. И если первая свобода отрешенности, взятая сама по себе, нигилистична, вторая — свобода выбора, взятая также сама по себе, релятивистична, то третья, по крайней мере, конструктивна, идеалистически-исторична. Путь ее осуществления — путь творчества, организации мира, путь Истории, и в ней становящегося Абсолюта — Бога. Это таким образом, не пассивная христианская свобода неотмирности, ухода, а активная, агрессивная свобода творческого подчинения; свобода не отрешенности от мира, а организации мира, не отрицания материи, а преодоления и преображения ее. Не уйти от зла, а победить его; не бежать от необходимости, а подчинить ее. Этот активный путь освобождения есть путь Истории, который в пределе сознания современности перерастает в некую высшую религию Истории, в религию Становящегося Бога и с ним осуществляющегося Царства Божьего на Земле.

Тут можно бы остановиться на особо интересующей нас проблеме русского мессанизма, имеющей определенное отношение к поставленному здесь вопросу. Античная культура еще не знала по настоящему воли к организации направленной во вне — в мировую ширь, воли к организации мира. Она замыкалась еще самим субъектом своим, была обращена внутрь самого человека. — Познай самого себя — вот высший принцип этой культуры. Пребывание здесь — пребывание в моменте — пространственном и временном. Эта культура лишена пафоса безграничных устремлений, пафоса преодоления границ. Достигаемая ею свобода — внутренняя свобода; осуществляемая ею победа над необходимостью — победа над внутренней необходимостью. Следующая западно-европейская цивилизация в творческой динамике своей уже по преимуществу

обращена в мировую ширь. Ея воля к организации необходимости есть воля к организации мира. Однако в этом своем устремлении она еще остается во внешнем производном аспекте бытия. Воля к организации мира здесь выступает как организация Природы, как преодоление Пространства и следовательно, как материальное освобождение человека. И наконец, грядущий некий восточно-европейский, русский культурно-исторический цикл, повинувшись определенной последовательности развития, подыметя до внутреннего основного аспекта бытия — аспекта организации Истории, победы над Временем. Знаменательно, что уже в текущей негативной фазе нашей революции — пусть материалистически уродливо, вульгарно и примитивно, поставлена эта тема организации Истории, преодоления времени. Ведь проблема Совершенного Общества это и есть проблема организации Истории. Отсюда все эти попытки планирования, рационализации общественного процесса. Но организация Истории, преодоление Времени есть новый высший конструктивный путь к Вечности и следовательно, новая высшая форма Освобождения, освобождения от временной, динамической необходимости.

В творческом ходе современной цивилизации произошел величайший мирозерцательный переворот, какой знало человечество. Организуя природу, человек осознал мир как историю — две вообще единственно возможные точки зрения на мир — статическая и динамическая. Преодолевая пространство, принцип природы, внешнюю сторону существования, человек ощутил средоточием своих творческих усилий, время, — принцип истории — внутреннюю основную сторону существования. В результате возник некий новый космос, в котором примат принадлежит не пространству, как категории природы, а времени, как категории истории; не пребыванию, а становлению, не статике а динамике. Современная наука уже определяет покой, лишь как частный случай движения. Но этот новый космос, отрицая идею **Сущего Бога**, в то же время требует и предполагает идею **Становящегося Бога**; делая больше невозможной религию Природы, каковой являлись все известные религиозные формы до сих пор, ставит на очередь новую высшую

религию Истории, с ее верховной проблемой царства Божьего на Земле, проблемой Совершенного Общества, как регулятивного принципа организации Истории. И уже теперь, еще не осознавая того, мир поклоняется этому Новому, вечно Неведомому Богу, творя и исповедуя эту еще не осознанную религию Истории. На очереди радикально новое миросозерцание, которое в противоположность господствовавшему до сих пор **теологическому** миросозерцанию будет **титаническим** миросозерцанием—в сублимированном прометеевском смысле, миросозерцанием восстания Земли во имя Неба, миросозерцанием организации Земли и в ней осуществляющегося Освобождения. Есть один факт величайшего религиозного значения. — Этот факт состоит в том, что человек осознал безграничность (в возможности) своего могущества. Это совершает полный переворот в основных соотношениях его существования. Он не может быть больше рабом — ни в чем, ни как. И в частности, именно поэтому эпоха, в которую мы вступаем, явится эпохой предельного возвеличения Человека; эпохой тех новых нарождающихся особых миропредставлений, когда новые вожди человечества будут учить людей не смирению, а **гордости**, когда свергнув с пьедестала своих высших устремлений Бога немочи и унижения человека — Сущего Бога (лже-Сущего) люди возведут на этот пьедестал своих абсолютных устремлений Бога могущества и возвеличения Человека — Становящегося Бога. Бога в Мировом Становлении подымающегося из Земли, знаменующего религию не человека **твари**, а религию человека **Творца**, религию не смирения человека, а трансцендентной гордости его, религию не отрицания мира, и преобразования его, не нищих духом, а могучих духом, и следовательно, не религию рабов, а **религию свободных**. Лишь в контексте такого миросозерцания понятие Свободы может быть понастоящему утверждено, ибо свобода — атрибут величия человека, категория гордости его.

Прошлое теологическое миросозерцание соответствовало немочи человека, — поэтому чем дальше в глубь истории, тем оно последовательнее и безраздельнее Его мораль — мораль смирения, мораль рабства. Будущее титаническое

миросозерцание соответствует могуществу человека и его мораль — мораль гордости, мораль Свободы. Если теологическое миросозерцание Сущего Бога является миросозерцанием покорности, то титаническое миросозерцание Становящегося Бога есть миросозерцание Восстания, Бунта, — бунта против пространственной и временной, природной и исторической Необходимости. Становление Бога, — восстание, — бунт — синонимы. Основная идея титанического миросозерцания — Свобода — (основная идея современности.) Но свобода актуальна, как освобождение, освобождение есть восстание, восстание — синоним становления, в пределе мирового становления Абсолюта. — Бога и в этом смысле вся мировая история есть Бунт, Восстание — **Воскресенье-Воскрешение**, есть победа над необходимостью пространственной и временной, над смертью. Таким образом, религия Становящегося Бога есть религия трансцендентного Бунта, религия Освобождения. И все религии пока они были живы, были религиями Освобождения, Восстания, (Воскресения), победы над необходимостью и следовательно, над смертью. Все дело в данном случае лишь в том, что этот процесс освобождения утверждается как История, в мировом становлении, в творческом Бунте, в Труде. Тут внутренне необходимая последовательность, ибо действительно, всякое возникновение есть восстание, всякий творческий акт есть бунт. Движение лежит в основе бытия, а движение есть состояния восстания, бунта. Всякий процесс есть всегда смена, переворот, изменение. Радикальная разница в том, что теологическое миросозерцание есть миросозерцание «благодати», предоставленности, милости», «дара», поэтому оно всегда пассивно, молитвенно, соответствуя немочи человека и требуя смирения его. Тогда как титаническое миросозерцание зарождающееся в современном сознании могущества человека, есть миросозерцание достижения, победы, творчества, — Труда. И как таковое, оно активистично, творчески агрессивнo. Восторгу молитвы там, соответствует пафос Труда (творчества) — здесь, морали смирения и унижения человека, соответствует мораль гордости и возвеличения человека.

Идея организации Истории, идея совершенного общества,

(«Царства Божьего на Земле»), как понятно уже из сказанного, есть идея титанического мирозозерцания и никогда не была и не могла быть идеей теологического мирозозерцания, уводящего от земли. Только эта идея Становящегося Бога, титаническая идея организации и освобождения мира, не только допускает, но необходимо обуславливает идею Совершенного Общества, в пределе — царства Божьего на Земле, ибо Мировое Становление, История, как становление Абсолюта, — Бога, тем самым есть осуществление соответственного миропорядка — царства Божьего на земле. Становление Бога есть установление «царства» его, идеального миропорядка. В противоположность этому религия Сущего Бога не только не предполагает, но исключает, делает ненужным, бессмысленным и невозможным мировое дело, — дело организации Земли. Поэтому нет более противоположных начал, чем эта идея Царства Божьего на Земле и идея христианства с его «царством не от мира сего». Отсюда видна вся бессмысленность попыток «примирить» (?) Христианство и социализм (одна из постановок проблемы совершенного общества). Христианство и социализм это *contradictio in adjecto*, внутреннее противоречие между определением и определяемым. И пытающиеся их примирить не понимают существа ни христианства, ни социализма. Тут надо выбирать: ведь ясно сказано: — «царство мое не от мира сего», не говоря уже о радикальном различии в стилях, в исторических традициях, в духовно-культурном уровне и т. п. Примиряющие христианство и социализм даже не складывают, а уничтожают этим и то, и другое, а сами они, во всяком уж случае, не имеют никакого отношения ни к христианству, ни к социализму. Налаживающие здесь «синтез» только способствуют той великой антитезе нашего времени, которая по смыслу своему, глубине и размерам не знает себе подобных в истории человечества, и разве лишь через это помогают наступлению того грядущего Синтеза, который явится творческим выводом из этой антитезы.

П. Баранецкий.

Le Gérant: M. Bisnovaty.

 Imp. Franco-Slave, 32 rue de Menilmontant, PARIS (20°)

1007

670/488

PPA